

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-4-9-19

Т.А. Алпатова

Московский государственный областной университет,
141014 г. Мытищи, Московская область, Российская Федерация

«Имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время...» (к анализу комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль»)

Аннотация. Цель исследования состоит в рассмотрении антропологической концепции Д.И. Фонвизина, сформированной в его комедии «Недоросль». Она сложилась как итог осмысления тех изменений, которые проявлялись в бытовом поведении российского дворянства второй половины XVIII в. и главным образом были связаны с формированием возможностей частной жизни и жизненного выбора стратегии поведения. Методы исследования, использованные в статье, опираются как на традиции культурно-исторического изучения творческой индивидуальности писателя в контексте русской литературы второй половины XVIII в. – Екатерининского времени, – так и на семиотическую модель поэтики бытового поведения русского дворянства, сформированную в работах Ю.М. Лотмана. В центре работы – выявление темы частного существования как ценностного ориентира людей второй половины XVIII в., что стало возможным благодаря «Указу о вольности дворянства», который методологически необходимо учитывать не только в процессе составления реального комментария к пьесе Д.И. Фонвизина, но и при анализе идейной структуры пьесы, а также специфики обрисовки ее героев. Каждый из них (в первую очередь герои-идеологи, госпожа Простакова и Стародум) так или иначе дает свою оценку «Указу о вольности дворянства»; их судьбы можно рассматривать как иллюстрации основных ролевых моделей, появившихся в поэтике бытового поведения русского дворянства второй половины XVIII в. Основные результаты проведенного исследования связаны с уточнением представлений о Фонвизине как писателе и мыслителе своей эпохи, его взглядах на культурные изменения Екатерининского времени, специфике эстетических представлений писателя, соотношении в его творчестве классицистических и предреалистических тенденций. Краткие выводы, сделанные в статье, заключаются в том, что комедия «Недоросль» стала важным шагом писателя в осмыслении тех культурно-антропологических процессов, которые наметились в России Екатерининского времени, в конечном итоге сделав период конца XVIII – начала XIX вв. «золотым веком» культурного творчества российского дворянства.

Ключевые слова: Д.И. Фонвизин, комедия, художественная антропология, персонаж, поэтика, бытовое поведение, классицизм, Просвещение, художественный образ, история культуры

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-001-00001 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь»

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Алпатова Т.А. «Имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время...» (к анализу комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль») // Литература в школе. 2020. № 4. С. 9–19. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-4-9-19

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-4-9-19

T.A. Alpatova

Moscow Region State University,
Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation

“Have a heart, have a soul, and be a man at any time...” (evaluating D.I. Fonvizin’s comedy “The Minor”)

Abstract. The purpose of the study is to consider D.I. Fonvizin’s anthropological concept formed in his comedy “The Minor”. It was formed as the result of comprehension of the changes that the Russian nobility of the second half of the XVIIIth century manifested in their everyday behavior and which were mainly associated with forming the opportunities in private life and the life choice of a behavior strategy. The research methods used in the article are based both on the traditions of the cultural and historical study of the creative personality of the writer in the context of the Russian literature of the second half of the XVIIIth century – the Catherinian Era – and on the semiotic model of the poetics of everyday behavior of the Russian nobility, formed in the works of Yu.M. Lotman’s. The focus of the work is to identify the topic of private existence as a value guide for people of the second half of the XVIIIth century, which was made possible thanks to the “Manifesto on Freedom of the Nobility”, which methodologically must be taken into account not only in the process of compiling a real commentary on the play of D.I. Fonvizin’s, but also while analyzing the ideological structure of the play and the specifics of the characters portrayal. Each of them (primarily ideological heroes, madam Prostakova and Starodum), in one way or another, gives their assessment of the “Manifesto on Freedom of the Nobility”; their fate can be seen as the illustration of the main role models that appeared in the poetics of everyday behavior of the Russian nobility of the second half of the XVIII century.

The main results of the study are related to the refinement of ideas about Fonvizin, a writer and thinker of his era, his views on the cultural changes of the Catherinian Era, the specifics of the aesthetic ideas of the writer, and the correlation of classic and pre-realistic trends in his work. The brief conclusions made in the article are that the comedy "The Minor" became an important step of the writer's in comprehending the cultural and anthropological processes that were outlined in Russia during the Catherinian Era, eventually making the period of the late XVIII – early XIX centuries "The golden age" of cultural creativity of the Russian nobility.

Key words: D.I. Fonvizin, comedy, artistic anthropology, character, poetics, everyday behavior, classicism, Enlightenment, artistic figure, the history of culture

Acknowledgements. The research has been carried out with financial support from RFBR (Russian Foundation for Basic Research) as part of the scientific project #18-001-00001 "Catherine II: Personality, legacy, epoch. Encyclopedia"

CITATION: Alpatova T.A. "Have a heart, have a soul, and be a man at any time..." (evaluating D.I. Fonvizin's comedy "The Minor"). *Literature at School*. 2020. No. 4. Pp. 9–19. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2020-4-9-19

Пожалуй, первая загадка, с которой сталкиваешься, обратившись к творчеству Д.И. Фонвизина, – та ситуация, когда едва ли не самый известный русский писатель XVIII столетия, пьесы которого (во всяком случае, «Недоросль») ставятся в театрах по сей день, оказывается в то же время почти неизвестным. Отнюдь не все его произведения дошли до нас, многие факты биографии и творческой жизни приходится почти реконструировать – при том, чем ближе к зрелым, творчески активным годам Фонвизина как писателя и мыслителя мы подходим, тем чаще требуется такая реконструкция. Многие были сохранены и осмыслены в первой монографии о Фонвизине, созданной князем П.А. Вяземским [2], многое восстановлено и исследовано благодаря писавшим о Фонвизине ученым XX столетия [4], однако задача увидеть целостный образ творчества писателя по-прежнему интересна. Кажется, словно в нашей культуре

остается некая «загадка Фонвизина», сама неразрешимость которой привлекает и завораживает.

Юные годы писателя, история его становления представлены куда подробнее творческой зрелости – и это тоже своеобразная парадоксальная данность. Сам Фонвизин, в духе Руссо «исповедаюсь» в конце жизни на страницах «Чистосердечного признания в делах моих и помышлениях», представляя историю своего личностного развития, более всего выделял крайнюю чувствительность – качество, которое ожидаешь найти скорее в литераторах карамзинского поколения, нежели в писателе-просветителе более ранних десятилетий. При этом в признаниях Фонвизина видно, что он не только кается в приверженности страстям (видя в своем младенчестве даже «начатки почти всех пороков, кои уже окореняются и возрастают от воспитания и от примеров»: «злобу, нетерпение, любопытствие и притворство» [7, т. 2, с. 84]).

Это вполне укладывалось бы в рационалистическую антропологию нормативно-рационалистической, классицистической художественной системы. Однако Фонвизин внимателен именно к оттенкам внутреннего состояния, когда рассказывает о собственном детстве, – видит в себе умение «чувствовать сильнее обыкновенного»: «чувствительность моя была беспримерна» [7, т. 2, с. 86]. Это признание, которое важно помнить, пытаясь понять тот взгляд на человека, который выстраивается в творчестве Фонвизина и благодаря которому оно складывается в итоге в цельное концептуальное единство.

Предметом этой статьи будет взгляд на это единство, которое мы попробуем найти в фонвизинском осмыслении человека, т.е. в художественной антропологии писателя. Сложившаяся в екатерининское время, она стала отражением того представления о человеке и его месте в обществе, которое формировалось в течение последней трети XVIII столетия, а впоследствии было унаследовано и культурной ситуацией первых десятилетий XIX в., обеспечив в этому периоду внутреннее единство как «золотому веку» русской дворянской культуры.

По традиции, сложившейся в российском литературоведении, проблема отражения в творчестве Фонвизина екатерининского времени как культурной эпохи в истории России сводилась в основном к сатирическому потенциалу образов фонвизинских комедий. Даже в статье В.О. Ключевского, включавшей в толкование «Недоросля» столь важную для его понимания культурно-историческую реалию, как «Указ о вольности дворянства» (1762), общий пафос так или

иначе сводился к трактовке пьесы как «зловещего пророчества» [3, с. 363], выявлявшего главное противоречие сложившейся ситуации «прав без обязанностей», когда «дворянская вольность по указу 1762 г. многими понята была как увольнение сословий от всех специальных сословных обязанностей с сохранением всех сословных прав» [Там же, с. 353]. При такой трактовке воплощением фонвизинского понимания следствий указа виделась только госпожа Простакова с семейством. Не случайно именно в ее речи и звучит непосредственная отсылка к этому документу. Однако идейная структура пьесы формировалась в рамках общего художественного целого, и поэтому не только и даже не столько отрицательные персонажи, но и протагонисты оказывались включенными в обсуждение этого важнейшего документа екатерининской эпохи, демонстрируя возможности действительно положительной реализации предложенного культурного выбора.

Какие возможности открывал «Указ о вольности дворянства» тем, кому был непосредственно адресован? Последовательно выделяя открывшиеся пути, Ю.М. Лотман обратил внимание на то, что главным итогом указа стало оформление такого феномена, как «частная жизнь» дворянина, фактически обретающая в сложившейся ситуации статус культурного выбора, а в перспективе – и культурного творчества [5, с. 248–269].

Петровская модель предполагала обязательность службы, и все возможные варианты поведения человека определялись уже тем, какую службу он выберет (военную или статскую, в гвардии или в армии, в каком полку или государственном учреждении и т.п.), а жизнь дворянина вне

службы как бы не существовала (это либо подготовка к службе молодого человека, «недоросля», либо доживание старика, вышедшего в отставку). Теперь же, начиная с 1762 г., вышедший в отставку по дарованному указом праву дворянин получал столь же богатые возможности для выбора – жить в Петербурге, Москве или в провинции, в городе или в поместье и т.п. На этой почве формировалась и возможность совершить внутренний, собственно психологический выбор: как жить, оказавшись вправе оставаться «частным» человеком? Есть ли эта частная жизнь – полуживотное существование невежественной, отказавшейся от развития особи, подобной животным, или это осознанная жизнь, осмысленная и приносящая не меньшую, а иногда и большую пользу согражданам, нежели официальная служба? В этом смысле не только «Недоросль», но и творчество Фонвизина в целом может оцениваться как развернутое размышление о новом положении российского дворянства, в котором оказалось оно после указа и которое означало возможность выстраивания самостоятельной жизненной стратегии, свободной как от давления родовых традиций (как это было в допетровской Руси), так и от долженствования, предлагаемого государством, начиная с Петра Первого. «Вольность» дворянского сословия, по замечанию Ю.М. Лотмана, означала возможность многовариантного поведения, а значит, экзистенциального выбора в полном смысле этого слова [5, с. 248–269]. В идейном климате эпохи это означало интерес к «социальным технологиям» [1, с. 159], в личных судьбах – напряженный поиск баланса между «вольностью» и новым пониманием

общественного служения, о котором мечтал и сам Фонвизин: «Человек с дарованием может в своей комнате, с пером в руках, быть полезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества» [7, т. 2, с. 136].

В этом смысле комедию «Недоросль» можно воспринимать как своеобразное культурологическое и антропологическое свидетельство эпохи. Все многочисленные зоологические мотивы пьесы (периодически звучащие сравнения со свиньями, собаками, лошадьми, вообще со «скотами» в самом широком смысле; вспомним, как Кутейкин заставляет читать Митрофана «Аз же есмь червь...», «Аз есмь скот...» [Там же, т. 1, с. 144]) – это не просто остроумная насмешка над недалекими героями. Забавные зоологическое «ловушки», расставленные в пьесе для Скотинина, Простаковой, Митрофана, еще и часть вполне серьезной антропологической концепции Фонвизина, согласно которой невежественный и не стремящийся служить обществу человек не выполняет своей собственно человеческой жизненной роли, не дорос до нее и, следовательно, так и остался на уровне скотов. Не случайно Правдин вынуждает Скотинина к признанию, что род Скотининых «старее Адама» [Там же, с. 159]. Свинья, собака, лошадь, скот в целом – это тот зооморфный подтекст, который позволяет открыть истинную сущность достойных осмеяния дворян, утративших человеческий облик.

Выбор, который делают люди, достойные человеческого звания, также представлен в пьесе весьма многообразно. Этому способствует в первую очередь включение в комедию развернутой истории жизни

Стародума. Она не просто способствовала мотивированности его личностных качеств (как и в случае с другими персонажами, рассказы которых о собственном образовании и воспитании помогают лучше понять истоки характера и поведения); «случай Стародума» в пьесе – это еще и своеобразная культурологическая и антропологическая «штудия» Фонвизина: такими путями следует в своем выборе человек, действительно достойный подражания.

Любопытно, что биография Стародума ставит героя в жизненные ситуации, эквивалентные почти всем знаковым моделям ролевого поведения, возможным как в пору, предшествовавшую «Указу о вольности дворянской», так и последовавшую за ним. Он проходит путь вначале военной, затем статской службы, судьба забрасывает его ко двору; затем, выйдя в отставку, он становится представителем «торгующего дворянства», с которым сам Фонвизин связывал большие надежды: «Не думаете ль вы найти в прахе предков ваших нужные вам сокровища? Отечество ожидает услуг ваших... Вы имеете храбрые руки, вы представляете мечи, но есть мечи другие, со златыми рукоятками. Итак, ищите в другом месте приобретать славу. Постановите единое добро, которое можете вы привезти в состояние. Оно довольно велико, когда имеете вы бодрости довольно; я разумею бодрость духа, которая гораздо реже бодрости сердечной. Будьте чрез купечество защитниками жен и детей своих, питатели своему отечеству, будьте жизнью наук, причиною многолюдства, столпами нашего флота, душой наших селений, славою государства и причиною общего благополучия!» («Торгующее

дворянство») [7, т. 2, с. 186]. Наконец, собственно в пьесе мы видим его уже освободившимся ото всех более или менее внешних социальных обязательств – он раскрывается как действительно частная личность, самодостаточный человек, явившийся для того, чтобы завершить создание собственного культурного «микрокосма» вокруг себя.

Читатели слишком привыкли верить на слово критикам Фонвизина, упрекавшим его положительных героев за чрезмерную длину речей и усредненно «книжный» язык, за чересчур однозначную их «положительность». Однако современники воспринимали пьесу несколько иначе – и, думается, их взгляд был ближе авторскому замыслу. По воспоминаниям Н.М. Карамзина, известным со слов Н.И. Греча, на первых представлениях «сцены комические возбуждали в зрителях мимолетный смех, а серьезные обращали на себя внимание публики, которая в то время любила разглагольствования на сцене, особенно если они были наполнены колкими замечаниями на светские обычаи и слабости того времени» [4, с. 165]. Они не только участники внешнего, событийного сюжета пьесы, в котором бесстрашно борются за любовь, вызволяют от жестокосердной помещицы несчастных подвластных ей крестьян. Они становятся героями не менее важного сюжета нравственного, центр которого – вопрос, волнующий практически всех действующих лиц пьесы, вне зависимости от того, сознают ли они это сами: как жить?

Уже освящено традицией видеть в «педагогической» комедии Фонвизина «объектом» воспитательного и образовательного «эксперимента»

одного Митрофана. В самом деле, и по возрасту, и по положению он – тот самый «недоросль», превративший принятое с петровских времен нейтральное обозначение молодого дворянина в обидную кличку для бездельника и неуча. Именно он перечеркнул заключающуюся в самом слове надежду на то, что выражающая «недостаточную степень проявления качества» часть его «недо» все же допустит необходимые для становления человека изменения. Хитрый и изворотливый, непросвещенный и бесчувственный, не способный ни к трезвой самооценке, ни к сыновней благодарности и любви, Митрофан уже в силу самих законов сатирической типизации – живое подтверждение известного изречения Стародума: «...Невежда без души – зверь...» [7, т. 1, с. 129].

Но все же несостоявшееся становление личности «недоросля» Митрофана не исчерпывает нравственно-философскую проблематику пьесы. Хотя буквально «недоросль» перед зрителем всего один, многие и выведенные на сцену, и лишь упомянутые в речах персонажи не так далеки от него и по возрасту, и, главное, по совершенно особому, свойственному молодости социальному и психологическому статусу. Софья, Милон, Правдин, «молодой Стародум» (каким является он в собственных рассказах), его друг «молодой граф» – все они лишь вступают в жизнь и очень нуждаются в ответах на вечные и в то же время для каждого поколения звучащие по-новому вопросы: как примирить волю моего «я» и долг, на меня возлагаемый? как быть счастливым?

Эта особенность духовной атмосферы екатерининского времени

определила пути разворачивания «нравственного сюжета» комедии. По существу, он представляет собой историю «отцов» и «детей», повествует о сохранении духовной связи между поколениями и о возможных последствиях разрывов этой связи. О своих молодых годах вспоминают практически все персонажи «Недоросля», представляющие старшее поколение, – Простакова, Скотинин, Кутейкин, Цыфиркин и, конечно, Стародум. Для новых «русских мальчиков» рассказывают они о давно ушедшей юности, даже следуя необходимым приметам жанра: непременно характеризуя отца и мать, условия воспитания, воспроизводя наиболее поучительные случаи из своей биографии. Рассказать об этом очень важно для героев. Не случайно так легко откликается Стародум на просьбу Правдина поведать о прошлом: «Происшествии с человеком ваших качеств никому равнодушно быть не могут... – Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее» [Там же]. Искреннее внимание награждает чистосердечного и правдивого «мемуариста», основное желание которого – быть услышанным, передать свой жизненный опыт духовно близким младшим современникам.

Перед выбором стоят и положительные персонажи пьесы, занятые поисками ответов на «вечные» вопросы. Именно это не позволяет однозначно считать их образцами добродетели, и только, эталонами, застывшими в своем совершенстве. И Правдин, и Милон, и Софья еще не знают, как жить, и поэтому чаще всего не проповедуют, но ищут новой веры. Поэтому и ждут герои приезда Стародума не только для разрешения

внешних сюжетных коллизий. Они ждут его слова – и слово это оказывается не поучением самоуверенного ментора, но живым воспоминанием о прожитых годах, напряженным самоанализом, развертывающимся перед читателем и собеседником нравственным поиском.

Таков он в беседе с Правдиным в первом явлении третьего действия. За поучительным пафосом речи Стародума угадывается внутренняя борьба негодования и сдерживающей его силы рассудка. «У меня правило в первом движении ничего не начинать...» – эта фраза героя психологически объясняет «остановку» в развитии действия. Надо осмыслить то, что произошло, остановиться и успокоиться. А что может быть благотворнее для души, как не откровенный разговор с молодым другом? И, может быть, не случайно именно здесь говорит Стародум о своем отце, цельном человеке, жившем в иную эпоху – ведь в трудные минуты так естественно искать нравственную опору. Едва ли не сожаление о петровских временах звучит в репликах героя: «Тогда один человек назывался ты, а не вы. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих...» [7, т. 1, с. 128], «В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные...», «В то время... не умели еще чужим умом набивать пустую голову...» [Там же, с. 129]. Вслушавшись в столь часто повторенные слова «тогда», «в тогдашнем веке», зритель видит вдруг человека, не столько непогрешимо уверенного в себе, сколько горько сожалеющего о волею судьбы выпавшем ему на долю времени. Стародуму тяжело в сложном и часто противоречивом новом веке; над его обращением

с людьми, более свойственным прежним, «цельным», «односоставным» временам, ныне «многие смеются». И вспоминает здесь он более всего о тех случаях, в которых был не прав, например, выйдя в первый раз в отставку: «Горячность не допустила... рассудить, что прямо любопытный человек ревнует к делам, а не к чинам и что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожаловану...» [Там же, с. 130]. Он сам удивляется и почти смеется странному «случаю», приведшему его ко двору.

Признание исключительной духовной ценности оберегающего человека узкого круга друзей, семьи, Дома в высшем значении этого слова определяет нравственный смысл бесед Стародума с Софьей. Невозможно достичь того, чтобы «никто на свете зла не пожелал»: «Дурное расположение людей, не достойных почтения, не должно быть огорчительно...» [Там же, с. 149], – уверяет герой свою собеседницу, рисуя перед ней выход из кажущегося жизненного тупика. Человек сам должен и может создать тот Дом, что защитит его от превратностей судьбы: «Разве тот счастлив, кто счастлив один?..» [Там же, с. 151]; «Умей остановиться с теми, которых дружба к тебе была бы надежною порукою за твой разум и сердце...» [Там же, с. 149]; «Муж благоразумный! Жена добродетельная! Что почтеннее быть может!..» [Там же, с. 154]. И соединившая в себе горячее сердце с просвещенным разумом Софья принимает справедливость этих слов, почитая священной «должностью» своей именно создание такого Дома. Так едва ли не впервые в русской литературе нового времени в изображение частной семейной жизни оказался

внесен общечеловеческий, почти метафизический смысл.

Нет непогрешимой самоуверенности и в воззрениях героев на государственное устройство. Беседа Стародума с Правдиным в начале пятого акта комедии также психологически сложна. Стоит только вспомнить, что разговор героев о том, каков должен быть доброжелательный государь, ведется чуть раньше шести часов утра (ведь именно на это время назначила Простакова злодейское похищение Софьи), – и психологические позиции собеседников предстают совершенно неожиданными для зрителя. Утверждения Стародума изначально гипотетичны и идеальны, и уже потому нет в них покоя: «Где государь мыслит, где знает он, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права...» [7, т. 1, с. 166]; «Великий государь есть государь премудрый. Его дело показывать людям прямое их благо...» [Там же]; «Сколь великой душе надобно быть в государе, чтоб стать на стезю истины и никогда с нее не совращаться! Сколько сетей расставлено к уловлению души человека, имеющего в руках своих судьбу себе подобных!...» [7, т. 1, с. 167]. Эти и подобные им реплики звучат не только как поучение, но прежде всего как страстная мечта о счастливом государственном устройстве. «Слушай, друг мой!», «Поверь мне, мой друг!» – постоянно обращается Стародум к Правдину за поддержкой, желая быть услышанным, искренне благодарно радуясь тому, что удалось найти единомышленника в молодом человеке.

Анализ комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» как культурно-эстетического целого в контексте творче-

ства писателя позволяет сделать ряд выводов как о своеобразии идейной структуры пьесы, так и особенностей художественного метода Фонвизина-драматурга, а также выделить те узловые точки, в которых его комедия стала наиболее значительным свидетельством современника о тех возможностях культурного выбора, которые создал в России «Указ о вольности дворянства» и освоение которых было наиболее очевидной культурной задачей екатерининского времени.

Главным итогом размышлений и воспоминаний Стародума становится мысль о нравственной самостоятельности и ответственности человека. И на государственной службе, и в семейной жизни, и на войне «новый» дворянин должен сам избирать свой путь и сам отвечать за его истинность, соответствие нормам добра и справедливости. Это сочетание самостоятельности и ответственности становится в речах Стародума залогом «встречи» человеческих представлений о Должном и абсолютной его мере. Просветитель Фонвизин более всего занят нравственными проблемами своего времени, поэтому более глубокую философскую перспективу его этика получает только в единстве всех высказанных в пьесе позиций. Кажется парадоксальным, но, как и Простакова, Стародум (на первый взгляд целиком «новый» человек, историческое время которого измеряется немногим более чем десятилетиями) так же, а возможно, и более убежденно отстаивает традицию, которая гораздо древнее идеалов «старинных людей». Не случайно при дворе он более всего удивляется тому, что люди «о себе одном пекутся; об одном настоящем

часе суетятся» и что им «во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки» [7, т. 1, с. 105]. Стародум – человек, живущий в истории, ощущающий свое скромное, но достойное место в вечности. И потому правда героя, утверждающая самостоятельность личности, все же не своевольна. Она совпадает и с нормами «естественного права человека» (того самого, с которым невозможно примирить принятое в обществе Простаковых-Скотининых унижение и подчинение одного человека другим), и с волей Провидения, определившей предустановленный порядок вещей.

Именно поэтому, словно «отпуская на волю» своими советами и наставлениями молодых героев, он лишь крепче привязывает к себе сердца собственных «духовных детей», создавая возможность достойного разрешения нравственной коллизии всякой переходной эпохи. Чистый источник нравственной истины не только делает ее благотворной для всякого, кто к ней прикасается, но становится залогом неразрывной связи поколений. Осознание этой истины позволяет действительно уловить живую связь фонвизинских размышлений и всего того, что сегодня волнует современного читателя.

Библиографический список

1. *Артёмьева Т.В.* От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005.
2. *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 5: Фонвизин. СПб., 1880.
3. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991.
4. *Кочеткова Н.Д.* Фонвизин в Петербурге. Л., 1984.
5. *Лотман Ю.М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн, 1991. С. 248–269.
6. *Рассадин С.* Умри, Денис, или Неудобный собеседник императрицы. М., 2008.
7. *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1959.

References

1. Artemjeva T.V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushhemu. Filosofija istorii i utopiya v Rossii jepohi Prosveshhenija [From a glorious past to a bright future. Philosophy of history and utopia in Russia during the age of Enlightenment]. St. Petersburg, 2005. (In Russ.)
2. Vyazemsky P.A. Polnoe sobranie sochinenij [Complete collection of works]: In 12 vols. Vol. 5: Fonvizin. St. Petersburg, 1880. (In Russ.)
3. Kluchevsky V.O. Istoricheskie portrety. Dejateli istoricheskoy mysli [Historical portraits. Figures of historical thought]. Moscow, 1991. (In Russ.)
4. Kochetkova N.D. Fonvizin v Peterburge [Fonvizin in St. Petersburg]. Leningrad, 1984. (In Russ.)
5. Lotman Yu.M. Poetics of everyday behavior in Russian culture of the XVIII century. Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i: In 3 vols. Vol. 1. Tallinn, 1991. Pp. 248–269. (In Russ.)
6. Rassadin S. Umri, Denis, ili Neugodnyj sobesednik imperatricy [Die, Denis, or The Empress's unwanted interlocutor]. Moscow, 2008. (In Russ.)
7. Fonvizin D.I. Sobranie sochinenij [Collected Works]: In 2 vols. Moscow; Leningrad, 1959. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.05.2020, принята к публикации 10.07.2020
The article was received on 25.05.2020, accepted for publication 10.07.2020

Сведения об авторе / About the author

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русской классической литературы Историко-филологического института, Московский государственный областной университет

Tatyana A. Alpatova – ScD in Philology (Literature), Associate Professor; Professor at the Department of Russian Classical Literature, Institute of History and Philology, Moscow Region State University

E-mail: AlpatovaTA@mgou.ru